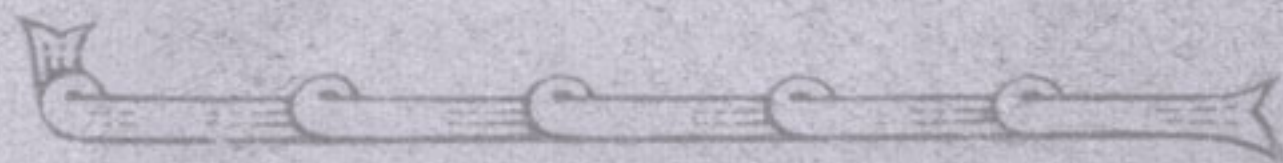

Русская литература

141

1969

ЛЕНИНГРАД

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

1969 год был для Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова годом сорокалетия его научной деятельности и годом смерти. Илья Николаевич прошел сложный жизненный путь. И этот жизненный путь во многом определил его научные интересы. Это не значит, что он шел на поводу у складывавшихся обстоятельств. Напротив, находясь за рубежом, он чаще прокладывал себе дорогу против течения и вопреки обстоятельствам. Но и идя против жизни, он был с жизнью. Условия его жизни вначале очень мешали его научному творчеству. Однако он умел работать и за столиками парижских кафе и в неуютных тюремных камерах. Он имел мужество не соглашаться с окружающими его людьми и умел находить неожиданных единомышленников. При всей внешней отдаленности его научных тем от современности он был всегда внутренне к ней близок. Необычайно широкие его интересы были вызваны киневшими вокруг него научными и общественными спорами, поэтическими и литературными темами, занимавшими окружающих его ученых, поэтов и философов.

Илья Николаевич родился 25 апреля 1904 года и приходился правнучатым племянником фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову. Он никогда не забывал о своем прадеде и под влиянием этого с еще большим чувством общественной ответственности относился ко всему, что делал и писал. Сам он называл себя «наследственным патриотом».

Его отец командовал в первую мировую войну пехотным полком, был награжден тремя георгиевскими крестами за храбрость и, хотя не принимал участия в гражданской войне, вывез все же свою семью за границу. Детские впечатления о родине И. Н. Голенищев-Кутузов бережно хранил затем в течение всей своей жизни за рубежом. В Париже он писал:

Торжественную, избранную скудость
Возлюбленных полей
Как позабыть? К чему иная мудрость!
Иных земель елей! ¹

В 1921 году И. Н. Голенищев-Кутузов окончил Первую русско-сербскую гимназию в Белграде и поступил на философский (историко-филологический) факультет Белградского университета. Здесь он занимался романской филологией, западно-европейскими и югославской литературами. Среди своих учителей Илья Николаевич всегда называл на первом месте Е. В. Аничкова. Наряду с В. Ф. Шишмаревым Е. В. Аничков был любимым учеником А. Н. Веселовского. От своего учителя Е. В. Аничков усвоил широту интересов и сравнительно-исторический подход к изучению литературы и фольклора различных народов. Во время первой мировой войны Е. В. Аничков сражался на румынском фронте, оказался отрезан от родины со своим полком после революции, был интернирован, а затем стал преподавать в университетах Скопле и Белграда. Через Е. В. Аничкова, обладавшего обширными научными связями, Илья Николаевич смог познакомиться со многими деятелями французской, итальянской и югославской науки, близко сошелся с Вячеславом Ивановым, написавшим впоследствии предисловие к сборнику его стихов «Память» (Париж, 1935).

По окончании Белградского университета в 1925 году Илья Николаевич служил преподавателем французского языка в черногорском городке Никшиче и в Дубровнике. Здесь возник его интерес к памятникам югославского народного творчества и к Далматинскому Возрождению. Совместно с известным американским фольклористом Мильманом Пэрри он записывал эпические песни гусяров в Герцеговине, Боснии и Черногории.

Летом 1927 и 1928 годов Илья Николаевич посещал Италию, где занимался Данте, рукописями Петрарки, Итальянским Возрождением. В 1929 году он уехал в Париж, где провел четыре года, учился в Школе высших филологических и исторических наук при Сорбонне у членов Французской академии наук Марио Рока, Альфреда Жанруа, Анри Оветта и у проф. Шарля Самарана.

В 1933 году Илья Николаевич защитил в Париже докторскую диссертацию о ранних влияниях итальянской литературы Возрождения на французскую «L'histoire de Griseldis en France au XIV et au XV s.». Диссертация вышла затем отдельной книгой (Париж, 1933) и имела хорошие отзывы в печати виднейших ученых (в частности, М. Рока и А. Монтеверди).

В Париже Илья Николаевич печатал свои стихи в сборниках Союза молодых поэтов — «Перекрестки», «Якорь», в журналах «Современные записки», а впоследствии — «Русские записки». В 1935 году вышел сборник его стихов «Память». В русской зарубежной печати Илья Николаевич систематически рецензировал научные издания, выходившие в СССР.

В 1934 году И. Н. Голенищев-Кутузов был избран приват-доцентом Белградского университета, в котором до начала войны он преподавал историю французского языка и французскую литературу. В журналах «Српски книжевни гласник» и «Страни Преглед» появляются его статьи о культурных и литературных связях между Россией и южными славянами, по русской литературе, о французских, итальянских и немецких писателях XIX—XX веков.

В 1937 году в Белграде вышла вторая книга Ильи Николаевича по французской литературе — книга о Филиппе де Мезьере, также получившая хорошие отзывы в научной прессе.

В мае 1938 года И. Н. Голенищев-Кутузов был арестован югославской королевской полицией «за советскую пропаганду», лишен югославского подданства и уволен с государственной службы. Только в сентябре 1939 года, когда надвигающаяся внешняя угроза со стороны нацистской Германии заставила королевское правительство менять свою внешнеполитическую ориентацию, Илья Николаевич был восстановлен в правах югославского гражданства.

В 1939 году И. Н. Голенищев-Кутузов принимает активное участие в подготовке III Международного конгресса славистов в Белграде. Конгресс, как известно, не состоялся из-за военных событий, но сборники с материалами конгресса успели выйти из печати.

В 1940 году в Белграде был создан филиал Института им. Н. Кондакова. Илья Николаевич принял участие в последнем сборнике этого института, посвя-

¹ Илья Голенищев-Кутузов. Память. Стихи. Изд. «Парабола», Париж, 1935, стр. 22.

щенном защите подлинности «Слова о полку Игореве» в связи с появлением работ о «Слове» проф. А. Мазона. Однако дом, в котором помещался филиал института, был разрушен немецкой бомбардировкой. Погиб вместе с женой и молодой талантливый организатор этого сборника Рассовский. Погиб архив, но рукопись сборника удалось все же спасти. Набирался сборник под бомбежкой. Выпуск его был подвигом. В сборнике одной из самых интересных и убедительных была статья Ильи Николаевича, основные выводы которой не утратили своего значения и до сих пор.

В 30-е годы сформировались и общественные взгляды И. Н. Голенищева-Кутузова, определившие его позицию и его деятельность в трудные военные годы. Ближайшими друзьями Ильи Николаевича по Союзу молодых поэтов и сборнику «Перекрестки» были Борис Вейдле, Алексей Дураков, Юрий Софиев. Все они участвовали затем в движении Сопротивления во Франции и в Югославии. Вейдле и Дураков посмертно награждены боевыми орденами. Софиев, как и Илья Николаевич, приехал в Советский Союз и сейчас живет и печатается в Алма-Ате.

И. Н. Голенищев-Кутузов так характеризовал те идейные расслоения, которые создавались в среде эмиграции. «В поисках „новых решений“ политических вопросов некоторые молодые эмигранты в тридцатых годах восприняли фашистские теории разных мастей и оттенков. Другие стали склоняться влево. Они восприняли идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения. Необходимо отметить, что в этот период времени в русской зарубежной среде возникло стихийное движение „оборончества“. Все чувствовали, что надвигаются грозные события. Следовало заранее решить, на чьей стороне ты будешь, когда разразится война. На политических и литературных собраниях эмигрантов стали выступать молодые люди, заявлявшие, что они будут защищать Россию с оружием в руках. Следует отметить, что „оборонцы“ принадлежали к самым различным слоям эмиграции. Постепенно патриотически настроенные люди сходились на самом главном, на отношении к Советской России, и противопоставляли себя „пораженцам“, контрреволюционерам, белогвардейцам и фашистам. У историков новейшего времени часто создается неправильное представление об эмигрантской довоенной литературе, которая рассматривается как исключительно антисоветская... В эмигрантской литературе не было единого потока, но боролись непримиримые идеологические направления».²

Говоря о своем друге Н. Н. Алексееве, ученом-правоведе, Илья Николаевич писал: «Он принадлежал к старшему поколению послереволюционной эмиграции и в 20-е годы являлся одним из идеологов евразийского движения, которое сыграло важную роль в полевении немалой части русской эмиграции и подготовило процесс перехода на сторону Советской власти патриотически настроенной эмигрантской молодежи в середине 30-х годов».³

В 1940 году Илья Николаевич поехал в Болгарию и здесь в советском посольстве подал заявление о восстановлении советского гражданства. События помешали осуществиться его желанию в ближайшие годы. После оккупации Югославии с октября 1941 года Илья Николаевич участвует в подпольном антифашистском движении — «Народном фронте», которым руководили коммунисты. В конце 1941 года он вместе с 30 профессорами-антифашистами Белградского университета, среди которых был и акад. А. Белич, был взят заложником и брошен в концлагерь гестапо «Баница». Об его участии в движении Сопротивления не дознались и выпустили, но уволили с государственной службы как политически неблагонадежного. В 1944 году Илья Николаевич уходит в партизаны, работает заместителем комиссара по пропаганде и информации в Воеводине, участвует в боях за Белград. После освобождения Белграда его назначают военным комиссаром «Русского дома» (б. русского посольства и Дома русской культуры). В статье «Думы в канун Октября» Илья Николаевич вспоминал: «Я никогда не забуду, как осенью 1944 года, в праздник Великого Октября в Белграде, освобожденном югославской и советской армиями, в манифестации проходил отряд эмигрантов с оружием, в пилотках с красными звездами, с плакатом „русские партизаны“. Плакат несла Л. М. Дуракова, муж которой Алексей Дураков, один из самых талантливых поэтов зарубежья, погиб в бою с фашистами. Сербы приветствовали русских партизан бурными аплодисментами. Это было возвращение на Родину и живых и погибших патриотов».⁴

В 1946 году Илья Николаевич был принят в советское подданство и с 1947 года начал печатать свои труды в Советском Союзе. Он работал в это время в Президиуме Общеславянского комитета, находившегося тогда в Белграде, преподавал иностранные языки в белградском отделе ВОКа, а в 1949 году получил вызов на работу в Московский университет на филологический факультет, возглавлявшийся тогда акад. В. В. Виноградовым. Однако в 1949 году, когда отношения между

² И. Н. Голенищев-Кутузов. Думы в канун Октября. «Голос Родины», орган Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, М., 1963, ноябрь, № 63 (764), стр. 6.

³ И. Н. Голенищев-Кутузов. Русское чудо. «Голос Родины», 1969, 1 января, стр. 7.

⁴ Там же, 1963, ноябрь, № 63 (764), стр. 6.

Югославией и Советским Союзом ухудшились, на долю Голенищева-Кутузова выпали тяжелые испытания, на несколько лет отодвинувшие его возвращение на родину. С начала 1954 года Илья Николаевич работает в посольстве СССР в Белграде, а затем в августе того же года он получает профессию в Институте им. В. И. Ленина Будапештского университета по кафедре русского языка и читает лекции по югославской литературе в венгерском Институте славяноведения.

Весной 1955 года И. Н. Голенищев-Кутузов вернулся на родину и получил назначение старшим научным сотрудником в Институт мировой литературы АН СССР. Он был затем профессором Московского университета (1956—1958) и читал здесь курсы итальянской и французской литератур. Он принимал участие в работах IV Международного конгресса славистов в Москве. В 1960 году он блестяще защитил докторскую диссертацию — «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.», вышедшую затем отдельной книгой в Издательстве АН СССР в 1963 году. Он был активным членом редакционной коллегии «Литературные памятники», принимал участие во многих научных советах, в работе Союза обществ дружбы с зарубежными странами, состоял членом Итальянского Национального Дантовского комитета, членом Международной ассоциации итальянского языка и литературы и мн. др.

Умер Илья Николаевич на другой день после дня своего рождения — 26 апреля 1969 года. Умер на родине, о которой думал долгие годы своей жизни на чужбине. В своих стихах он писал:

...земной окончен путь,
Вот ты пришел в назначенную пору,
Чтоб душу сбереженную вернуть
Бескрайнему родимому простору.⁵

Илья Николаевич был обаятельным человеком несколько старинтеллигентского склада. Он любил общество, любил споры, рассказы и шутки в кругу друзей. Он помнил множество забавных случаев и мог часами их вспоминать. Он умел слушать других, радовался чужим и своим остроумиям, был наделен феноменальной памятью на стихи и мастерски их читал. Он быстро схватывал суть вопроса и соль шутки. Тут же сочинял экспромты и читал сочиненные им эпиграммы. Он не подавлял окружающих своими знаниями и своей образованностью, умел оценить знания и ум своего собеседника. Благодаря этим своим качествам он вносил праздничность в любую обстановку, создавал атмосферу непринужденности и доброжелательства. Вместе с тем он был суров к любой недобросовестности, лицемерию и упрямому невежеству.

Смерть его утрата и для ума и для сердца всех его знавших.

Первые статьи Ильи Николаевича появились сорок лет назад в журналах «Дубровник» и «Страни Преглед». Они были посвящены современным югославским писателям и Данте. Так, уже в самом начале литературной деятельности Ильи Николаевича определились два полюса его интересов.

Просматривая список его научных работ, насчитывающий более двухсот названий, мы можем обратить внимание на необычайную многосторонность и даже пестроту его тем. Интересы Ильи Николаевича захватывали почти два тысячелетия — от литературы латинской до современности. Среди предметов его занятий — литературы славянские (сербская, русская, польская, чешская, украинская, белорусская), романские (итальянская и французская — в первую очередь), венгерская (периода Ренессанса). Он глубоко занимался фольклором и стиховедением, откликался на кипевшую вокруг него литературную жизнь, был не только исследователем литературы, но и ее «практиком», постоянно, до конца своих дней, выступая со своими стихами и стихотворными переводами, которыми он не только иллюстрировал свои исследования, но и печатал как самостоятельные произведения. Он работал и как публицист, и как популяризатор науки.

Однако, несмотря на всю свою многосторонность, он был постоянен в своих литературных пристрастиях, неоднократно возвращался к своим прежним темам. В круге его занятий резко сказывалась его индивидуальность, его богато одаренная личность. Он никогда не работал только по обязанности, всегда увлекался своей работой, был до самозабвения предан своим любимым авторам и произведениям.

В научных интересах Ильи Николаевича выделяются несколько главных тем. Это — Данте, литература Возрождения и Предвозрождения от Франции и Италии до славянского востока, сербский эпос, зарубежная и русская поэзия XX столетия и латинское Средневековье.

Илья Николаевич получил хорошую научную школу. Как фольклорист он вырос на полевой работе, собирая совместно с Мильманом Пэрри сербские эпические

⁵ В краях чужих. Литературно-художественный сборник. Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками. Москва—Берлин, 1962.

песни. Как литературовед он воспитался на трудоемких текстологических штудиях под руководством своих французских учителей — академиков Марио Рока и Альфреда Жанруа. Он владел черновой работой и только потому мог стать литературоведом с широкими и обоснованными обобщениями.

Ученую степень доктора (*docteur à lettres*) Парижского университета Илья Николаевич получил за исследование, посвященное последней новелле «Декамерона» Боккаччо о терпеливой Гризельде. Он подробно проанализировал все французские версии истории о Гризельде, изучив рукописи Национальной библиотеки и Арсенала в Париже, Британского музея, Королевской библиотеки в Брюсселе, библиотек в Гренобле, Шартре, Камбрэ, Ватикане и пр. Он ввел в оборот много неопубликованных текстов и доказал, что самый ранний французский перевод этой истории был сделан Филиппом де Мезьером между 1384 и 1389 годами.⁶

Естественно, что выводы его первой книги побудили его заинтересоваться более глубоко творчеством Филиппа де Мезьера. Он занялся изучением его «Книги о добродетелях и таинствах брака» и в конце концов издал это сочинение по рукописи Национальной библиотеки в Париже, дав ее археографическое описание, установив дату рукописи, а затем подробно охарактеризовал язык и стиль самого сочинения, определил источники его моральных и мистических идей, дав обстоятельный разбор содержания.⁷

Одновременно с работой над этими книгами Илья Николаевич печатал многочисленные статьи о западноевропейских и русских писателях XIX и XX веков (о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Льве Толстом, Достоевском, Вяч. Иванове, М. Волошине), собранные затем в книгу, изданную в Белграде на сербском языке.

Он пропагандировал советскую литературу. В 1938 году номер югославского журнала «Смена», в котором была помещена статья Ильи Николаевича о «Поднятой целине» Шолохова и о романе А. Толстого «Петр Первый», был конфискован югославской королевской полицией.

Опыт, приобретенный И. Н. Голенищевым-Кутузовым в работе над списками и текстами старофранцузской литературы, позволил ему написать очень интересную и существенную работу о взаимоотношениях «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», сыгравшую в свое время важную роль в борьбе с только что появившимися скептиками, отрицавшими подлинность «Слова». Как известно, основным доводом скептиков с легкой руки А. Мазона стало утверждение, что позднейшая редакция «Задонщины» более близка к «Слову», чем первоначальная, что якобы указывает на зависимость «Слова» от «Задонщины», а не наоборот. При этом за первоначальную редакцию «Задонщины» принимался текст дефектного Кирилло-белозерского списка, а тексты всех остальных списков объявлялись принадлежащими одной позднейшей редакции. В своей краткой и убедительной статье Илья Николаевич выдвинул положения, которые остались и до сих пор не опровергнутыми скептиками. Вот они:

«1) „Фальсификатор“ Слова в XVIII веке, которому необычно везло и который обладал совершенно необычайной для своего времени осведомленностью, должен был — *par dessus de marché* — иметь все дошедшие до нас рукописи „Задонщины“ или по крайней мере все соответствующие этим редакциям списки (*les Zadonščiny!*); позволю себе напомнить, что известные нам рукописи были открыты лишь в XIX веке. Из этих источников он должен был составить довольно хитроумную мозаику, которая — как это ни странно — составила более удовлетворительный текст, чем в любой из редакций „Задонщины“...»

2) Если „фальсификатор“ XVIII века не обладал всеми нам известными рукописями или редакциями, то он должен был воспользоваться оригиналом, вожделенным всеми издателями текстов, — О (неизвестный авторский оригинал «Задонщины», ее архетип, — Д. Л.), который он затем „варварски уничтожил“, несмотря на то, что открытие и опубликование первоначального списка „Задонщины“ было бы для него не менее интересно, чем издание „выдуманного“ и составленного из кусочков — подобно тряпичному одеялу — „Слова“, во всяком случае более почетно...»⁸

Статья в защиту подлинности «Слова о полку Игореве» была последней значительной работой, написанной Голенищевым-Кутузовым за границей.

Жизнь в Советском Союзе дала ему возможность создать большие обобщающие труды по всем основным линиям его интересов. Илья Николаевич как дантолог

⁶ Elie Golenistcheff-Koutouzoff. L'histoire de Griseldis en France au XIV-e et au XV-e siècle. Paris, 1933.

⁷ Elie Golenistcheff-Koutouzoff. Étude sur «Le livre de la vertu du sacrement de mariage et reconfort des dames mariées» de Philippe de Mézières. D'après un manuscrit du XIV-e siècle de la Bibliothèque nationale à Paris. Белград, 1937.

⁸ И. Н. Голенищев-Кутузов. Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины. В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, Институт им. Н. Кондакова, Белград, 1941, стр. 54.

сумел обобщить свои наблюдения в двух больших томах изданий сочинений Данте в серии «Литературные памятники» — в издании «Божественной комедии» (1967) и в томе «Малых произведений» (1968), где ему принадлежат не только статьи и комментарии, но частично и самые переводы. Принципиальное значение имели и его статьи: «Данте и Предвозрождение» (в кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967), «Данте и „сладостный новый стиль“» (в кн.: Данте и всемирная литература. 1967), «Данте в советской культуре» («Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1965, вып. 2) и «Эпоха Данте в представлении современной науки» («Вопросы литературы», 1965, № 5).

Исследования Возрождения завершились у Ильи Николаевича двумя книгами: «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» (1963) и «Гуманизм у восточных славян» (1963). Особенный интерес возбудила первая книга. На нее откликнулись крупнейшие слависты Европы: Андьял, Бадалич, Мавер, Копецкий, Ягодич, Чижевский и др., посвятившие ей статьи и рецензии. Существенное значение имеет и антология «Поэты Далмации эпохи Возрождения XV—XVI веков» (1959), которую не только составил Илья Николаевич, но для которой подготовил стихотворные переводы, создал комментарии и написал вступительную статью.

Исследования югославского фольклора завершились И. Н. Голенищевым-Кутузовым в ряде изданий. Такой завершающий характер носит его статья «Косовская легенда» («Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1964, вып. 3), предисловие к сборнику «Сказки народов Югославии» (1962) и большое, целиком подготовленное Ильей Николаевичем издание — «Эпос сербского народа» (1963).

Наконец, необходимо сказать несколько слов о его собственной поэзии. Свои стихи Илья Николаевич начал печатать с 1923 года. Многозначительно название сборника его стихов — «Память». Его поэзия отражала память о родине, о ее истории, о предках. Но память его поэзии не была узкой. Его стихи воплотили память и о чужой истории. Темы Далмации и Рима занимали в сборнике свое место. Впоследствии Илья Николаевич увлекся переводами. Он никогда не пользовался подстрочниками, переводил с итальянского, латинского, французского, немецкого, сербо-хорватского, польского. Среди его переводов должны быть отмечены переводы Фоленго, Кардуччи, Валери, Рильке, славянских гуманистов (далматинских поэтов — Марулича, Менчетича, Држича, Ветрановича и др.), переводы сербского эпоса (23 перевода эпических песен помещены в его книге «Эпос сербского народа»). Он снабжал стихотворными переводами иллюстративный материал в собственных книгах. Его переводами проиллюстрировано и русское издание книги Де Сантиса «История итальянской литературы» (тт. 1—2, 1963).

Поэтическое творчество помогало ему в его живом восприятии литературы прошлого, а литература прошлого питала живыми соками его поэзию. Творчество и исследования были для Ильи Николаевича едины.

